

О «ХОРЕ КО ПРЕВРАТНОМУ СВЕТУ»

(Ответ П. Н. Беркову)

Гр. Гуковский

Я полагаю, что «хор ко превратному свету» безусловно принадлежит Сумарокову и не может принадлежать Волкову по следующим соображениям:

1. Авторство Волкова отпадает согласно точному, формальному и недвусмысленному указанию самой брошюры «Торжествующая Минерва»; брошюра распадается на 3 части; первая часть — «Стихи к большому маскараду» — имеет печатную подпись «Сочиня М. Херасков»; вторая часть — «Описание большого маскарада» также подписана печатно: «Изобретение и распоряжение маскарада Ф. Волкова»; третья часть — «Хоры» имеет подпись «Только одни хоральные песни в сем маскараде сочинения***». Ясно, что если «только одни» хоры сочинены кем-то, кто скрыл свое имя, то этот некто не Херасков и не Волков.

Авторство Волкова отпадает и по внутренним признакам:

2. Маскарад «Торжествующая Минерва» является острым и злободневным политическим выступлением, а не просто нравоучительным спектаклем. В другой работе я подробно анализирую его сущность и направление. Здесь я могу лишь указать суммарно, что маскарад формулировал чаяния, требования и надежды группы дворянских фрондеров 50-х — начала 60-х годов, активно участвовавшей в июньском перевороте 1762 г., усиленно добивавшейся в начале царствования Екатерины II реализации своей программы, но так и не добившейся ее. Вождем этой дворянской партии был Панин, а литературным идеологом ее был Сумароков. В программу партии входила, между прочим, борьба с капиталистами-откупщиками, с бюрократией, с фаворитизмом и властью вельмож-дельцов; затем — ограничение крепостного права при обязательном сохранении его как основного института, базирующего весь государственный строй; наконец — ограничение деспотии «фундаментальными законами». Почти все эти идеи заключены

в «хоре ко превратному свету». Маскарад в целом был построен в духе идеологии данной дворянской группы; в нем были и прямые политические намеки (на Петра III и др.). Волков был лишь сценаристом и режиссером на заданную тему. Наиболее отчетливым, программно заостренным пунктом маскарада должен был быть «хор ко превратному свету». Хор не был пропущен цензурой, и его автор заменил его кратким хором, вошедшим в текст брошюры «Торжествующая Минерва». Смысл этого краткого хора таков: мне запретили говорить правду, что ж, я буду все же кричать об этом запрете и тем заявлю свой протест. Выразительный припев печатного хора

«За морем хам хам хам хам
Хам хам хам хам и т. д.»

есть подчеркнутая замена звучащими точками непропущенного цензурой варианта (в нем та же конструкция:

«За морем» — то-то и то-то
«За морем» — то-то и то-то и т. д.).

У нас нет никаких данных о том, что Волков разделял оппозиционные идеи, заключенные в «хоре ко превратному свету». Наоборот, Сумароков неоднократно высказывал все эти идеи.

Если Волков был купец и по происхождению и по идеологии, как думает П. Н. Берков, — то это вовсе не значит, что он был антикрепостник; известно, что в Комиссии 1767 г. купцы требовали расширения рабства, а не устранения его, требовали для себя права владеть крепостными.

3. Сравнение хора с песней Волкова кажется мне неубедительным. Песня Волкова не сатирична. Она не заключает в себе злободневных политических вопросов; это общее место литературы — мечта о золотом веке.

4. П. Н. Берков сомневается в том, что приписание Новиковым ряда произведений Сумарокову достаточно авторитетно. Почему же он верит тому же Новикову, когда он приписывает песню «Станем, братцы, петь старую песню» — Волкову? Ведь свидетельство Новикова в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) — единственное указание на авторство Волкова в отношении этой песни. Поэтому, становясь на точку зрения П. Н. Беркова, нельзя привлекать как аргумент данную песню в качестве несомненно волковской.

5. Аргументация П. Н. Беркова по линии эпитагмы Волкова не представляется мне убедительной. В эпитагме Волкова ничего не сказано о том, что «всадник» — непременно дворянин. Я не могу согласиться с тем, что в XVIII в. «верховая езда была исключительно дворянской бытовой чертой, чуть ли не классовой привилегией». Нельзя смешивать верховую лошадь с дугом. Сам П. Н. Берков принужден напомнить мою статью, где я указываю, что тот же мотив, что в эпитагме Волкова, использован рядом дворянских поэтов, и в частности, Сумароковым. Сам же он указывает на то, что у Державина всадник — «гостиной сын»; значит, и гостиной сын мог ехать верхом, и, следовательно, толкование волковской эпитагмы как антидворянской произвольно.

6. П. Н. Берков считает, что стихи «хора» о крестьянах направлены не против злоупотребления крепостным правом, а вообще против крепостного права в целом. Это мнение не аргументировано и, повидимому, недоказуемо. Наоборот, П. Н. Берков сам приводит слова Сумарокова о том, что нельзя торговать людьми, и справедливо указывает на центральную идею сумароковской социальной теории: феодальная зависимость крестьянина от помещика не то же, что рабство; первую он отстаивает, второе отрицает. Именно эта идея и обосновывает соответственное место «хора ко превратному свету».

Итак: нет никаких данных, говорящих о близости идей «хора» взглядам Волкова; есть ряд данных о близости «хора» взглядам и произведениям Сумарокова (ср. ниже).

Пойдем далее:

7. П. Н. Берков ставит вопрос, почему в «хоре» нет мысли о вреде промышленности, когда она так важна для Сумарокова. Отвечаю:

а) Сумароков говорит о вреде промышленности (не совсем точно) всего дважды и притом на несколько лет позднее, чем написан «хор».

б) Сумароков ни разу не говорит о «вреде промышленности» в художественных, а тем более поэтических произведениях; он говорит о нем один раз в деловой статье, один раз в замечаниях на Наказ, вовсе не предназначенных для опубликования.

в) Мало ли о чем не говорит Сумароков в «хоре». Ведь он не был обязан говорить в нем обо всем. Повидимому, в 1762—1763 гг. иные, политически более актуальные, темы занимали его, в большей степени, чем вопросы промышленности.

8. Новиков в своем «Опыте словаря» пишет о Волкове:

«Из его сочинений остались известными мне только две песни: Ты проходишь мимо кельи, дорогая; Станем братцы петь старую песню, и одна эпитаграмма. Изобретенный им маскарад напечатан в Москве 1763 года... и ниже «Я сообщаю моим читателям известную мне эпитаграмму сочинения г. Волкова, которая хотя малое подает понятие о его стихотворстве тем, которые его сочинения не читывали. Хотел бы я сообщить и все его стихотворения, но ни у кого не мог отыскать».

Значит, Новиков положительно ничего не знал о возможности приписать «хоры» Волкову. Между тем Новиков был хорошо осведомлен, общаясь постоянно с Сумароковым, который даже помогал ему при работе над словарем, и никак не мог не знать такого важного произведения Волкова, если бы оно в самом деле было произведением Волкова.

9. П. Н. Беркову необходимо опорочить издание Полного собрания сочинений Сумарокова, приготовленное Новиковым, так как оно является очень сильным аргументом в пользу Сумарокова, как автора «хора». Но опорочить это издание едва ли можно. Новиков не включил в свое издание нескольких произведений Сумарокова. Но ведь есть огромная разница между невключением сумароковской вещи и включением чужой вещи. Первое могло произойти и от того, что Новиков не разыскал соответствующих текстов; да и вообще оно не порочит текста издания. Наоборот, данные о включении Новиковым чужих вещей в издание Сумарокова, приводимые Берковым, я не могу признать убедительными:

а) Вопрос о «Разговорах в царстве мертвых» крайне сомнителен. Скорей всего их написал Сумароков. Свидетельство С. Глинки мало достоверно, так как он не «исследователь», как его лукаво называет П. Н. Берков, а ничего не знающий и полувывживший из ума болтун. Обилие чудовищных ошибок в его книге бросается в глаза. Нет данных, подтверждающих авторство Суворова. «Разговоры» подписаны буквами «А. С.», которыми подписано много произведений Сумарокова в том же журнале, которые всегда обозначали именно его. Если бы даже «Разговоры» не принадлежали Сумарокову, ошибка Новикова была бы в данном случае вполне объяснима и понятна.

б) О надписи к статуе Петра — сам Новиков исправил свою ошибку; значит он именно проверял состав своего издания очень тщательно.

Вот и все данные, которыми П. Н. Берков хочет опорочить издание Новикова. Он прибавляет к ним указание на то, что «несомненно среди песен довольно большое число принадлежит его дочери». Это — недоразумение, возникшее из «сообщения» известного внука Макарова, приписавшего Е. А. Сумароковой 6 песен и еще несколько произведений ее отца. Макаров вообще факты легко перевирает. Что же касается этих 6 песен, то и они и все другие приписанные им Е. А. Сумароковой вещи — напечатаны в «Трудолюбивой Пчеле» с подписью А. Сумарокова. Совсем не обосновано замечание П. Н. Беркова о том, что ему «подозрительны» некоторые прозаические произведения Сумарокова. Все прозаические вещи, помещенные в новиковском издании, или были напечатаны ранее в журналах с подписью Сумарокова или же извлечены Новиковым из рукописей самого Сумарокова; невозможно сомневаться в их подлинности. Вообще же новиковское издание выполнено вполне научно, серьезно и с знанием дела.

Новиков имел в руках архив Сумарокова и, кроме того, был с ним лично близок. Что же касается пространной редакции «хора», то Новиков опубликовал ее впервые; ясно, что он извлек ее из рукописей Сумарокова, так же как две книги басен и многое множество других произведений (несколько сот). Уже это обстоятельство должно было бы решить вопрос об авторстве Сумарокова в положительном смысле.¹

10. П. Н. Берков считает, что «народный склад» хора противоречит авторству Сумарокова; но ведь он сам же указывает две песни Сумарокова, написанные «народным складом»; можно еще указать напр. песню: «Где ни гуляю, ни хожу» и др.²

При этом, сомнения в авторстве песен отпадают (см. пункт 9).

Нужно также учесть особый жанр хоров для «народного» мажора.

¹ Желая быть объективным, сообщу один факт, опущенный П. Н. Берковым: в новиковском издании помещено 6 эпиграмм Аблесимова. Как это случилось — понятно. Они были напечатаны в «Трудолюбивой Пчеле» вместе с сумароковскими, под одной общей порядковой цифрой. В конце стояла подпись Сумарокова «А. С.», и Новиков не заметил затесавшихся между эпиграммами букв «А. А.». Во всяком случае, нет ни одного факта, говорящего о некритическом помещении в новиковском издании не сумароковских вещей.

² Песня о Панине и по содержанию несомненно сумароковская.

11. Свидетельства «Русского Вестника» и «Маяка» никоим образом не являются документами. «Маяк» ссылается на «старожилов»; но ведь не могло быть в 1842 г. людей, издавших маскарад 1763 г. «Русский Вестник», по словам самого П. Н. Беркова, — дает текст, восходящий к новиковскому изданию Сумарокова и, значит, не дающий новой документальной версии. Комментарий же «Русского Вестника», как опять-таки указывает сам П. Н. Берков, ошибочен.

12. П. Н. Берков останавливается на вопросе о причинах анонимности хоров в брошюре «Торж. Минерва» и считает, что Сумароков не мог иметь оснований заменить свою подпись тремя звездочками; между тем, отношения Сумарокова к новому двору не были так благополучны, как это говорит П. Н. Берков. Сумароков претендовал на роль официального, правительственного писателя, хотел навязывать Екатерине свои идеи, но не один раз наталкивался на противодействие. Он был близок ко двору, он был один из тех, которые должны были получить награды и права после переворота, но с самого начала его урезывали в его претензиях. Оды Сумарокова 1762—1763 гг. — уроки правительству. Недопущение в печать «Слова на день коронавания» было не единичным фактом. Но совершенно достаточным мотивом для снятия Сумароковым своей подписи при хорах было конечно запрещение полной редакции «Хора ко превратному свету».

Излагаемое П. Н. Берковым предположение о ссоре Хераскова с Сумароковым ничем не подтверждается. Сумароков не мог быть в претензии за то, что он не участвовал в подготовке въезда Екатерины в Москву, так как эта подготовка велась в Москве и московскими писателями, а Сумароков был в это время в Петербурге. Поэтому нет ничего сомнительного в том, что Сумароков мог участвовать в одном предприятии с Херасковым, поскольку он вовсе не был отстранен от участия в коронационной комиссии и не уступал места Хераскову.

13. Стиль, стих, отдельные мотивы, словарь — все в «Хоре ко превратному свету» как и в других хорах «Торжествующей Минервы» (нельзя, конечно, сомневаться в единстве автора обеих редакций хора ко превратному свету, а значит и других хоров с «другим хором по превратному свету») — вполне сумароковское. Можно привести множество параллелей, подкрепляющих это положение; я не производил специальных разысканий по этому

вопросу, и поэтому ограничусь лишь некоторыми сближениями, вспомнившимися мне.

Хор ко превратному свету Произведения Сумарокова (ссылки на полное собрание сочин. 1787)

За морем Сократы добронравны
Каковых и здесь мы видаем.

«Сделаем новое общество, и вообразим то, что оно состоит из Сократов... собралися бы Сократы...»

VI. 240—241.

Никогда не суеверят,
Не ханжат, не лицемерят.

В утопии «Сон. Счастливое общество» (1759):
«Благочестие, не допускающее примеситься себе суеверию в сей стране есть основание всего народного благополучия... Все они (т. е. духовные) люди великого учения и беспорочныя жизни... Суеверия и лицемерия они неприятели» и т. д.

VI. 364—365.

Порядок тем в «сне» сходен с «хором». Так же — прежде всего речь о духовенстве.

«Преподлый суевер от разума бежит
И верит он тому, чему не надлежит:
Кто вздору всякому старается поверить,
Стремится пред самым он богом лицемерить.»

IX. 118 (1759).

«Пожалуй, не зови меня безверным боле,
За то, что к вере я не причитаю врак»...
и т. д.

IX. 119 (1759).

«Безбожник ли иль суевер
Зависит более от ангела нечиста?
Обоих скаредству один размер,
Но нет ни одного на свете атеиста,
Такая чортом мысль еще не вложена,
А суеверами подсолнечна полна.»

IX. 121 (1759).

Дьяк там дуками не ездит,
Дьячихи алмазов не носят

«Какой диковники я в век не ожидал,
Такую случай мне увидеть ныне дал:
Я шел задумавшись: разбились мысли стуком;
Но что увидел я! подьячий едет дуком;
Я руки к небу взвел и закричал тогда:

О солнце, ты весь мир издревле обтекаешь
И взор на землю всю вседневно ниспускаешь;
Такое зрелище видало ль ты когда?

С досады я потом едва сыскал дорогу,
Ворча: управил бы я вас, — да то беда;
Бодливому быку судьба не ставит рогу».

IX. 156 (1759).

«Когда б ваш был отец приказный человек,
Так не были бы вы несчастливы вовек...
...И статья бы могло, чтоб ездили вы
цуком»...

IX. 157 (1760).

Ср. характеристику «дьячихи» в притче
«Подьяческая дочь».

VII. 72 (1759).

Ср. выражения: «в алмазах всякий день»,
«она алмазы носит»
VII. 39.

«хоть по уши зарой ее в алмазы»

VII. 362.

За нос там судей
писцы не водят

О судьях и их секретарях в этом же смысле
см. напр. притчи «Протокол» и «Суд»
(VII. 102 и 103), «Сатиру о благородстве»
(«на толь кому судьба высокий чин дала,
чтоб он подписывал, подъячий вел дела»...
VII. 361).

VII. 361).

В утопии «Сон. Счастливое общество» —
«...во всех судебных местах больше судей,
нежели писцов»

(VI. 366).

Ср. сатиру о худых судьях

(VII. 366 и сл.).

За морем подья-
чие честны,
За морем писать
они умеют».

Это — одна из излюбленных тем Сумарокова.
Приведу 2—3 примера наудачу:

«Зайди когда в приказ,
Где столько, как у нас,
Бумаги в день испишут,
А то, что грамота, писцы едва
и слышут».

VII. 327 (1765).

«Писати мне хочется да бумага дорога; ибо подьячие всю ее перевели, и умея грамоте меньше всех писцов во всей Европе, пишут больше всех».

IX. 281 (1760).

«Ни один регистратор писать не умеет»
комедия «Опекун» V. 33 (1765).

В виде удивительного факта о подьячем;

«Мужик был трезвый

И сверх того еще писать умел»

VII. 288 (1760).

Откупы за морем
не в моде.

Чтобы не сто-
нало государство
(ср. в «хоре к об-
ману»: «Откупщик,
усердной на Руси
народу,

В прибыль госу-
дарству откупает
воду»)

Тема откупщиков — едва ли не основная
сатирическая тема Сумарокова в 1759—
1762 г. напр.

Е п и т а ф и я

На месте сем лежит безмерно муж велик,
А именно зловредный откупщик:

Реками золото ему стекалось ко рту,

И душу озлатив, послало душу к чорту.

IX. 138 (1760).

Как будто на яву

Я видел сон дурацкой:

Пришел посадцкой:

На откуп у судьи взять хочет он

Неву

И Петербургски все текущие в ней реки;

Мне

То было странно и во сне;

Такой диковинки не слыхано во веки.

Судья ответствовал: «потщися претворить

Искусный Альхимист во злато воду;

Да только б тем питьем людей не поморить

А впрочем я хвалю гораздо эту моду,

И вижу, что ты друг российскому народу».

IX. 157—158 (1760).

В комедии «Приданое обманом» говорится
об откупщике, который — «взял чернила на
откуп, не для собственного своего прибытка,
да для государственной пользы».

V. 224—225 (1764).

«По смерти откупщик в подземную страну
 Пришел пред сатану
 И спрашивает он: скажи, мой друг сердеч-

ной:

Не можно ль откупить во аде муки вечной.

Как я на свете жил,
 Всем сердцем я тебе и всей душой служил:
 Пожалуй, дедушка, на откуп его внуку.
 Я множил цену там, а здесь умножу муку»
 IX. 117 (1760).

Ср. притчи об откупщиках — «Мост» VII
 106 (в I редакции «Юпитер, сокол и щука»
 1760), «Шубник» VII. 287 «1760».

Или эпиграмму об откупщике:

«Младенец молоко у матери сосет,
 И за это он мать еще и больше любит;
 За что же откупщик бесчестие несет,
 Что он отечество сосет;

И он свою любовь к отечеству сугубит,
 Младенец матери сосаньем не вредит,
 Ни он отечества, что он его цедит».

IX. 318 (1769).

За морем почет-
 ные люди

Шеи назад не
 загибают...

Со крестьян там
 кожи не сдирают,
 Деревень на кар-
 ты не ставят;
 За морем людьми
 не торгуют

Ср. «письмо о гордости»

VI. 340—342 (1759).

«В лесу воспитанная с негой
 Под тяжелой трется ось телегой
 И неподмазана кричит:

А бык, который то везет, везя молчит;
 Изображает ось господчика мне нежна,
 Который держит худо счет:

По русски — мот;

А бык — крестьянина прилежна.

Страдает от долгов обремененный мот,

А стова не вспомянет,

Что пахарь изливая пот

Трудится и тягло ему на карту
 тянет»..

VII. 202 (1769).

«Мужик и пьет и ест, родился и умрет,
Господской также сын, хотя и слаще жрет,
И благородие свое нередко славит,
Что целый полк людей на карту
он поставит.

Ах! должно ли людьми скотине обладать.
Не жалко ль, может бык людей
быку продать»...
VII. 360 (1774).

«Презрителен и гнусен
Ненасытимый человек,
Который в весь свой век
Лишь деньги собирать искусен,
И кто своих питает так людей,
Как кормит живодер на одрань лошадей»...
VII. 161 (1769).

«Продавать людей как скотину не должно».
Примеч. на «Наказ».

«Стегают и людей без вины иные господа;
да и продают их так же как и лошадей»;
и далее Сумароков отстаивает идею природ-
ного равенства дворян и крестьян.
VI. 116—117 (Комедия «Вздорщица» 1772).

Добрых людей не
злословят...

Ср. сатиру «О злословии»
VII. 373—374 (1774).

За морем про-
тивно указу

Ср. напр. V 222 — диалог в комедии «При-
данное обманом» (1764).

Росту заказнова
не имеют

За морем ума не
пропивают

Ср. напр. притчу «Сатир и гнусные люди».
VII. 129—130 (напеч. 1769) и VI. 367.

Пред больших
бояр лампад не ста-
вят

Ср. напр. «На что стояти мне, как будто
пред богами,
Пред человеками»... и т. д.

IX. 116 (1760).

Все дворянские
дети там во школах
и т. д.

См. напр. Сатиру о благородстве.

VII. 361.

(Стихи о языке
и литературе)

Характерно самое внимание, уделяемое
языку и литературе в «хоре»; взгляды на

эти вопросы, изложенные в нем — вполне сумароковские, неоднократно высказанные им (см. в моей книге «Русская поэзия XVIII в.»). Для примера укажу эпистолу о русском яз., статью об истреблении иностранных слов из русского яз., сатиру о французском языке, притчу «Порча языка», эпиграмму 41 (здесь между прочим «пузырь всегда пузырь, хоть пуст, хотя надут»), ответ на оду В. И. Майкова, — и опять: «когда булабочка в пузырь надутый резнет, вся пышность пузыря в единый миг исчезнет» и т. д., — и мн. др. Термины «ясный, согласный» — типично сумароковские. Стихи «Вздору там ораторы не мелют» и сл. — направлены, видимо, против Ломоносова, что, естественно, ведет нас опять к авторству Сумарокова.

(Стихи о подьячих и приказных крюках).

За морем нет тунеядцев,

Все люди за морем трудятся,

Все там отечеству служат;

Лучше работающий там крестьянин,

Нежели господин тунеядец;

Лучше не расчесаны кудри,

Нежели парик на болване...

Это общее место сумароковского творчества; параллелей так много, что нет необходимости их напоминать.

В утопии «Сон. Счастливое общество»: «Не имеют тамо люди ни благородства, ни подгородства, и преимуществуют по чинам, данным им по достоинствам, и столько же права крестьянской имеет сын быть великим господином, сколько сын первого вельможи...

...Всякая наука, всякое полезное упражнение, всякое художество и всякое ремесло... тамо в почтении, а тунеядство в превеличайшем презрении, и слово тунеядец жестокая тамо брань». VI. 367 (1759).

Ср. сатиру о благородстве в с. ю.

VII. 360—363.

«...есть и у людей

Такие господа, которые и ту же

Раздувшись гоняют лошадей,

Которы возят и коих сами хуже».

VII. 157 (1769).

На что родится человек,
 Когда проводит он во тунеядстве век.
 Он член ли общества? моя на это справка,
 Внесенная во протокол:
 Не член он тела, бородавка...
 ...И бог то ведает, за что его боярят.
 Мне мнится — без причин
 К таким прилог и чин.
 Могу ль я чтить уroda,
 Которого природа
 Произвела ослом...» и т. д.

VII. 253.

«Все члены рода человеческого достойны почтения; презренны только люди, не приносящие обществу пользы... крестьяне пашут, купцы торгуют, воины защищают отечество, судии судят, ученые возвращают науки и людей просвещают, художники вкус услаждают, духовные проповедывают добродетель. И сколько почтенны нужные государства члены, столько презренны тунеядцы, в которых число полагаю я и дворян, не помышляющих более ни о чем, как только о их собственном изобилии и возносящихся своим маловажным титулом».

VI. 258—259.

О дворянине — тунеядце:

«...Потом он спит,

Опять храпит.

А под вечер болван он сидя убирает,

Не мысли, волосы приводит в лад,

И в сонмищи публичны едет гад

И после в карты проиграет»...

VII. 254.

Ср. также притчу «Уборка головы» — VII. 250, диалог в комедии «Опекун» V. 19 и др. ср. епиграммы 26, 67, 75 (IX. 116. 127. 129)

За морем не
 любят за деньги;

Там воеводская
 метресса

Метресса — сумароковское слово; например «Если девушки метресы», ... VIII. 328.

Равна свою степенью крысы» см. в притче «Две крысы» VII. 151 (1769).
 С жирною гадкою крысой.

Из остальных хоров я предлагаю сличить «хор к Парнасу» с анакреонтическими одами Сумарокова, «хор ко златому веку» с прологом Сумарокова «Новые лавры» и т. д. В кратком «хоре ко превратному свету» характерную передачу лая собаки, «хам, хам»... ср. с пригчей Сумарокова «Собака на сенокосе»

«Мне там кричать: хам, хам,
 А попросту сказать, друзья, я буду лаять».

VII. 202—203.

В том же «хоре» сумароковское написание «Океян»; вообще орфография хоров сумароковская; однако следует оговорить, что Херасков, руководивший типографией Московского Университета, в которой напечатаны хоры, также придерживался сумароковской орфографии. Существеннее то, что в тексте «Другого хора ко превратному свету», напечатанного Новиковым впервые, также сумароковское правописание: Новиков вообще воспроизводил орфографию подлинника совершенно точно; значит рукопись, с которой он печатал текст «Другого хора», была написана по-сумароковски. В «хоре ко мздоимству» — «ременной жгут» — вместо «кнут» — и рифма «плут». То же в сатире Сумарокова «Пнит и друг его» (VII, 35) — «он плут, и дастся орденом ему ременной жгут». (Кстати: весь ассортимент сатирической тематики этого места сатиры повторяет «хор ко превратному свету»).

В «хоре невежества» —

«Лучше жити без заботы,
 Убегать работы;
 Лучше есть и пить и спати,
 Нежели в уме копати.
 Трудны к тем хоромам
 В гору от земли подъезды,
 В коих астрономам
 Пялиться на звезды».

Ср. «Разговор между ученым и старою женщиною» Сумарокова: «...неученные люди и ядят и пьют и любятя еще и лучше

ученых, и довольствуются жизнью своею хотя и меньше скотины, но гораздо больше, нежели ученые». IX. 321.

Астрономия как первая наука, которую называет невежда, оспаривая пользу знания, — см. сатиру «Кривой толк» VII. 358. В «хоре к обману» характерны слова «машейник» и «машонка», ср. напр. IX. 212, VII. 329 и VII. 277.